

МЕНЕКСЕН

Перевод А. В. Болдырева

ВВЕДЕНИЕ

I

„Менексен“ занимает несколько обособленное место среди произведений Платона и, по своему содержанию, заметно отличается от других его диалогов. Это вызвало ряд попыток, с одной стороны, отрицать авторство Платона, с другой стороны, признавая подлинность этого диалога, предложить для него своеобразное толкование.

У нас нет прямых указаний на то, что принадлежность „Менексена“ Платону оспаривалась кем-либо из древних критиков, хотя намек на это можно видеть, по предположению Виламовица-Мёллендорфа¹), в одном месте комментария Прокла к „Тимею“ (I, 62 Diehl), где упоминается о существовавшей тенденции отвергать авторство Платона за всем, что могло быть причислено к *ἐγκομισαστικόν γένος* — „хвалебному“ роду литературы. Во всяком случае, такое мнение осталось единственным и поддержки не встретило.

В новое время мнения о подлинности „Менексена“ разделились. Аст первый высказался против принадлежности его Платону; его примеру последовали другие. Наряду с этим существовала, однако, и иная точка зрения, представленная Шлейермахером, Штальбаумом, Гротом, в России — Карповым, точка зрения, решительно возобладавшая в последние десятилетия, когда в защиту подлинности „Менексена“ выступили Бласс², Дильс³, Вендланд⁴, Поленц⁵, Виламовиц⁶, и являющаяся в настоящее время общепринятой.

II

Из дошедших до нас античных свидетельств, могущих быть использованными для решения вопроса об авторе „Менексена“, заслуживает внимания сообщение Цицерона (Оратор, 151). Вопрос касается того, как избегать зияния в речи, к чему усердно стремились Исократ и Феопомп. Цицерон говорит: „Не

---

¹ U. Wilamovitz-Möllendorff, Platon², Berlin 1920, II, 126¹.

² F. Blass, Attische Beredsamkeit, II², 446 сл.

³ H. Diels, Das dritte Buch des aristotelischen Rhetorik. Berl. Akad. Abh. 1886, IV, 21 сл.

⁴ P. Wendland, Die Tendenz der platonischen Menexenus. Hermes, XXV (1890), 171 сл.

⁵ M. Pohlenz, Aus Platos Werdezeit, Berlin 1913, 256 сл.

⁶ О. с. II, 126 сл.

делал этого даже и Платон (перед этим речь шла о Фукидиде), писатель гораздо более великий: не только в своих разговорах, называемых диалогами, где это следовало делать намеренно, но и в обращенной к народу речи, которую в Афинах, по существующему обычаю, восхваляют в народном собрании павших в сражениях воинов; речь эта встретила такое одобрение, что, как ты знаешь, ее обязательно прочтывают в этот день. В ней часто попадает такое столкновение звуков, которого, большею частью, как недостатка, избегал Демосфен“. Это замечание Цицерона относится, несомненно, к „Менексену“ (ср. Туск. беседы, V, 12).

Первостепенную важность представляют два места из Аристотелевой „Риторики“, где, можно думать, содержится, в несколько измененном виде, цитата из „Менексена“ (235 D и 236 A). Первое из них гласит (I, 9. 1367 b 7 сл. Roemer): „Следует обращать внимание и на то, среди кого произносится похвала; ведь, как говорит Сократ, нетрудно восхвалять афинян среди афинян“. В другом (III, 14. 1415 b 30 сл.) сказано: „Ведь верно то, что говорит Сократ в надгробной речи, что не трудно восхвалять афинян среди афинян, но трудно восхвалять их среди лакедемонян“. Правда, Аристотель не называет имени Платона, и это давало возможность некоторым ученым, не отрицая того, что слова Аристотеля относятся именно к сохраненному нам „Менексену“, приписывать его другому автору; эти мнения в настоящее время поддержки не встречают.

Намеки на „Менексена“ усматривают также у Ксенофонта. В его „Воспоминаниях о Сократе“ (III, 5, 8, а также III, 5, 10 — 12) некоторые обороты речи живо напоминают „Менексена“ (246 E. 237 C. 237 E. 239 B и др.)¹. В его же „Пире“ (II, 16) встречается указание на намерение Сократа учиться плясать, и Виламовиц видит здесь развитие того же, о чем говорится в „Менексене“ (236 D)².

Итак, свидетельства древних говорят в пользу того, что „Менексен“ составлен не позже половины IV века. Можно с уверенностью сказать, что он был известен Аристотелю. Поэтому нет основания предполагать авторство какого-нибудь иного лица, поскольку есть возможность найти этому диалогу определенное место среди прочих произведений Платона.

III

Композиция диалога простая и несложная. Он распадается на три очень неравные части: разговор Сократа с Менексеном (234 A — 236 D), надгробная речь Сократа (236 D — 249 C) и небольшой заключительный диалог обоих действующих лиц (249 D — 249 E). С первых же слов беседа заходит о предстоящем торжественном погребении павших в бою воинов, которое должно сопровождаться речью избранного афинским советом оратора. Сократ представлен пожилым человеком (234 A. 236 C); Менексен — без сомнения — тот самый юноша, который является одним из участников диалога „Лисис“. В ответ на

¹ Dümmler, *Academica* 26. Wendland, о. с. 192.

² Wilamowitz, о. с. II, 141.

ироническую похвалу искусству ораторов, высказанную Сократом, Менексен предлагает ему самому попробовать произнести надгробную речь, как бы вызывая его на состязание с излюбленными народом ораторами. Сократ соглашается, отметив, что его речь будет простым пересказом того, что он накануне услышал от Аспасии, бывшей, якобы, его наставницей в риторическом искусстве. Нелегко распутать тот клубок иронических намеков и насмешливых хвалебных отзывов, который представляет собою вступительная часть диалога. Обращена ли ирония Платона против Исократов и его учеников, или против Лисия, об этом можно спорить; бросается, во всяком случае, в глаза резко отрицательное отношение к выступлениям ораторов, льстящих толпе и доби- вающихся дешевого успеха у тех людей, которых они восхваляют.

В первой части диалога часто видят ключ к пониманию всего последующего и рассматривают центральную часть произведения, как пародию на обычные речи. Но это едва ли правильно. Признавая иронический характер первой части „Менексена“, мы не знаем еще, захочет ли Платон дать такой образец надгробной речи, какою она должна, по его мнению, быть, или же он в своей иронии пойдет дальше и, пользуясь всеми изысканными приемами и всем аппаратом риторики, доведет все это до абсурда и ясно обнаружит несостоятельность своих противников. Можно думать, что Платон пошел по первому пути.

В вопросе об истолковании центральной части „Менексена“ мнения ученых разделились. Одни понимают речь, как пародию, шутку; это точка зрения Штаальбаума, Берндта ¹, Бласса, Вендланда, Рэдера ², К. Риттера ³ и др. Другие склонны принимать совершенно серьезно все то, что содержится в речи, и ищут других объяснений для того, чтобы сохранить единство и цельность всего произведения: так поступают Грот, А. Круазе ⁴ и Видамовиц.

Чтобы лучше понять надгробную речь, произнесенную Сократом, надо сказать несколько слов о других речах такого же типа. Вероятно, уже со времен Персидских войн в Афинах существовал обычай, при похоронах павших в бою воинов, отмечать печальное торжество произнесением от имени государства надгробной речи (*λόγος ἐπιτάφιος*). Наиболее древней, исторически засвидетельствованной такою речью была речь Перикла при подавлении Самосского восстания в 440 году (Плутарх, Перикл 28) ⁵, а самый замечательный образец — речь того же Перикла у Фукидида (II, 35 сл.). Во всяком случае ко времени составления „Менексена“ этот обычай был освящен традицией и воспринимался, как завет отцов, как нечто священное и ненарушимое. Самая обстановка, в которой произносились такие речи, обуславливала их характер. Государство хоронило своих граждан, погибших за него, обычно еще в то время,

¹ Berndt, De ironia Menexeni Platonici, Münster 1881.

² Räder, Platons philosophische Entwicklung, Leipzig 1905.

³ C. Ritter, Platon, sein Leben, seine Schriften, seine Lehre, I, München 1910.

⁴ A. Croiset, Sur le Ménexène de Platon. Mélanges Perrot, Paris 1903.

⁵ Интересная попытка восстановления этой речи в статье Л. Вебера: Perikles' samische Leichenrede. Hermes, LVII (1922), 375 сл.

когда война продолжалась, и в толпе, к которой обращена была речь, находились и близкие павших воинов, и их соратники, люди, которым, быть может, предстояла та же участь. Понятно, что вся речь, с начала до конца, должна была быть проникнута одним стремлением — утвердить связь между погибшими, их родителями, женами и детьми и государством, не только совокупностью живущих в данный момент граждан, но и бесконечным рядом поколений предков и той землей, которою некогда рождены были родоначальники афинян. Все должно было быть направлено к одной цели, к прославлению того великого целого, ради которого павшие воины отдали свою жизнь, и понятно, что в речах такого рода соображения точности, хронологии, исторической правды, отступали далеко на задний план. Таким образом создавался торжественный, несколько приподнятый стиль подобных речей, и всякое уклонение от этого стиля произвело бы впечатление резкого и грубого диссонанса. Сказывалось влияние плача над мертвыми, имевшего хорически-музыкальную форму, где господствовал тот же высокий стиль. Подъем риторики отразился и на надгробных речах, которые давали очень удобный повод для всех изощренных и пышных приемов торжественного красноречия. Но уже ранее создавалась и определенная схема построения речи, твердо установился цикл предметов, которые в ней затрагивались; можно думать, что излюбленные мотивы охотно повторялись ораторами и переходили из одной речи в другую. Очень типична схема похвалы павшим: прославление их благородного происхождения, их воспитания и их деяний; хвалебная характеристика государственного строя родного города, и обязательное увещание, с которым оратор обращался к близким усопших.

Без всего этого речь не была бы настоящим *λόγος ἐπιτάφιος*. Раз уже Платон, по тем или иным соображениям, писал надгробную речь, он должен был выполнять установленные требования стиля. До нас дошло довольно много образцов этого вида красноречия, причем в большинстве случаев это не подлинныя речи, а или обработка действительно произнесенных речей, или же просто литературные упражнения¹.

Если оценивать речь в „Менексене“ с такой точки зрения, трудно будет найти в ней что-либо, что приходилось бы рассматривать, как насмешку или пародию, не говоря уже о том, что все это было бы неуместно в речи, которая предполагается произносимой при погребальном торжестве, и где Платон с большой тщательностью соблюдает *εὐφημία*, обязательную перед лицом смерти. Так, он избегает произносить имена богов²; „имена их подобает опускать в подобной речи“ (238 В, ср. также 244 А). Казалось несовместимым со взглядами Платона восхваление происхождения афинян, горделивые указания на предков; но идеализация афинского прошлого, подчеркивание автохтонности и особой милости богов, обращенной на аттическую землю, играет важную роль и в таких диалогах, как „Тимей“ (23 сл.) и „Критий“ (109 сл.). В момент общенародного торжества естественно было вспомнить о том, что было предметом самой

¹ Речь Перикла у Фукидида (II, 35 сл.); отрывки Горгиева эпитафия; надгробные речи, приписываемые Лисию и Демосфену; речь Гиперида и др.

² См. Виламовиц, о. с. II, 129, 1; 135, 1.

живой религиозной веры афинян и их национальной гордости, — об их рождении землю¹.

Некоторые исследователи обращали внимание на то, что прославление афинского государственного устройства (238 В — 239 А) резко противоречит всему тому, что мы знаем о политических идеалах того круга, к которому близок был Платон. Однако, похвала афинским порядкам облечена у него в чрезвычайно осторожную и умеренную форму. В Афинах народ передает власть тем, кто *кажутся* лучшими (238 Д), властвует и правит тот, кто *кажется* мудрым или доблестным (там же); единственное, что дает гражданам известное преимущество, это репутация доблести и рассудительности (239 А). Это место „Менексена“ можно сопоставить с концом третьей книги „Государства“ (412 А сл.), где Платон подробно говорит о том, как должна быть испытываема готовность будущих стражей делать все для блага государства. Видеть в этой части „Менексена“ иронию значило бы идти слишком далеко. Платон прямо и откровенно высказывает свое мнение, обращая внимание на одно свойство афинского строя, резко отличающее его от идеального государства; были ли его слова понятны для всех или только для немногих — вопрос другой.

Если объяснение исторических фактов в „Менексене“ кажется слишком упрощенным и освещение их слишком односторонним, то надо принять во внимание, что Платон подходит здесь к событиям не как беспристрастный историк, а как поэт, желающий „воздать достойную хвалу людям, которые достойны ее“, причем самые эти события, хотя и недавно случившиеся, частью уже отошли в область мифа и потеряли свои реальные очертания, так что вымысел слился с действительностью в одно целое.

Заключительная, — увещательная, — часть речи признается вполне искренней и серьезной даже некоторыми из представителей „иронической“ теории.

Небольшой эпилог (249 D — E), по своему стилю, очень приближается к вступлению и содержит прозрачный намек на то, что авторство Аспасии выдуманно, а кроме того туманное указание на будущие политические речи (249 E).

IV

Как же примирить то противоречие, которое сразу обращает на себя внимание: насмешливый и иронический тон вступления и эпилога, и серьезная, исполненная пафоса и подлинного патриотизма центральная часть диалога? Думается, это возможно. Вероятнее всего предположение, что Платон по каким-нибудь соображениям захотел дать доказательство того, что он мог бы, если бы считал это важным делом, писать речи ничуть не хуже, чем его противники, и таким образом сразился с ними их же собственным оружием. В чем он видел достоинства таких речей, показывает, быть может, следующее место из Федра: „... я думаю, подобного рода доказательства подразумеваются сами собою, и

¹ См. по поводу связанных с этим религиозных представлений: А. Dietrich, *Mutter Erde*, Leipzig 1905. Б. Л. Богаевский. *Земледельческая религия Афин*, П. 1916.

нечего приписывать их оратору. И хвалить нужно не изобретение доказательств, но расположение их в строгом порядке“ (236 А, пер. С. А. Жебелева, т. V наст. изд.). Этот случай он использовал для того, чтобы выразить свое отношение к внешней политике Афин и вообще к реально существующему афинскому государству¹. А. Круазе усматривает в „Менексене“ много сходства с началом „Федра“, где Сократ, подвергнув разбору речь Лисия, сам произносит речь на ту же тему². Можно думать, что сходство идет и дальше. Первая речь Сократа в „Федре“, хотя и свободна от недостатков Лисиевой речи, однако, не есть еще выражение всего того, что Платон имеет сказать по этому поводу; со всей полнотой он высказывается лишь во второй речи. Так и в „Менексене“: сначала — насмешливый отзыв об обычных ораторских выступлениях, затем речь Сократа, причем он скрывается под чужим именем (ср. Федр, 235 С D: „Сознавая свое невежество, я уверен, что от себя самого я ничего подобного не придумал бы. Остается, по моему, предположить, что я, из каких-то чужих источников черпая, как из сосуда, слухом наполнился, по тупоумию же своему забыл даже, как и от кого я все это слышал“), в конце — неясное обещание новых речей о государстве. Тождество композиционных приемов несомненно. Можно предположить, что это обещание и было выполнено через несколько лет. Я уже ссылался на одно место „Государства“ (412 А сл.); несколько дальше (414 С сл.) мы находим совершенно своеобразное использование предания о рождении из земли, но уже в совсем ином освещении, чем в „Менексене“³. „Государство“ было закончено, вероятно, около 370 года, через 10—15 лет после „Менексена“. Но такой подход к делу появляется позднее, пока же все внимание обращено на славное прошлое Афин. Патриотизм Платона подтверждается целым рядом мест в его сочинениях. Тут мне хотелось бы указать только на „Протагора“ (346 А В): „... часто у человека оказываются недостойные мать, отец, отечество... И вот тогда дурные люди выставляют напоказ и обличают дурные качества родителей или отечества... а люди доблестные вынуждены бывают скрывать это и восхвалять, утешать самих себя и мириться, если они гnevаются на своих родителей или на отечество, за то, что претерпели от них обиды; при этом они еще принуждают себя любить и восхвалять своих“.

V

Не представляется возможным приурочить действие „Менексена“ к какому-нибудь определенному времени. Диалогические части содержат ряд имен, но из этого нельзя извлечь никаких данных: Платон сознательно спутывает хронологию и заставляет Сократа говорить о вещах, которые произошли через много лет после его смерти. Вместе с тем в средней части упоминается ряд исторических фактов, что и позволяет датировать все произведение сравнительно

¹ О публицистическом характере „Менексена“, см. Pohlenz, о. с. 293 сл.; 256 сл.

² См. также Diels, о. с. 21.

³ Ср. Виламовиц, о. с. II, 131.

точно. Последнее событие, указание на которое можно найти в „Менексене“, это—Антакидов мир (387 — 6 г.). Нет оснований думать, чтобы диалог был написан значительно позднее этого времени; Вендланд видит в „Панегирике“ Исократы, относящемся к 380 году, отклик на некоторые места „Менексена“, и помещает этот диалог между 386 и 380 годами, с чем согласны и другие ученые. Исследование языка диалогических частей этому не противоречит. Язык речи—превосходная проза, стиля эпидиктических речей, иногда приближающаяся к языку поэтическому. Пользование риторическими фигурами довольно умеренное.

Подражание „Менексену“ видят в псевдо-Демосфеновой „Надгробной речи“. Много поразительных совпадений с речью Сократа в речи Лисия, так что можно было бы думать, что Платон полемизирует именно с ним, но подлинность „Надгробной речи“ Лисия в последнее время снова подвергается сомнению.

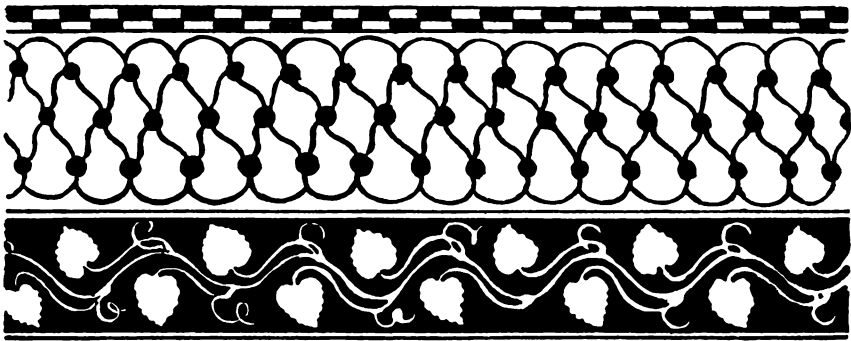
Произведения под названием „Менексен“ были у Главкона, Эскина, Аристотеля, Антисфена (последнее имело подзаголовок: „или о власти“); об их содержании нам ничего неизвестно. Сравнение „Менексена“ с надгробной речью Перикла (Фукид. II, 35 сл.) находится у ритора Гермогена Тарского (II в. после Р. X.) в его сочинении *Περὶ μεθόδου δεινότητος* и у Синесия (IV — V вв. после Р. X.) в „Дионе“. Сравнение с Демосфеном — у Дионисия Галикарнасского (I в. до Р. X.) в его *Περὶ τῆς λεκτικῆς Δημοσθένους δεινότητος*, где предпочтение отдается последнему. Интересно отметить, что в античной литературе нет ни малейших указаний на понимание „Менексена“, как пародии. Наоборот, во времена Цицерона, а, вероятно, и раньше, надгробная речь Сократа читалась на ежегодном торжественном празднестве в честь павших в сражениях воинов.

Кроме сочинений, указанных в примечаниях, см. J. Tüllmann, *De Platonis qui vulgo fertur Menexeni consilio et origine*, Greifswald 1859. O. Perthes, *Die platonische Schrift Menexenos im Lichte der Erziehungslehre Platons*, Bielefeld 1886. Trendelenburg, *Erläuterungen zu Platons Menexenos*, Berlin 1905. E. Schwartz, *Kallisthenes Hellenika*. *Hermes*, XXXV (1900), 126 сл.

А. Болдырев.

Сократ. С агоры¹, или откуда, Менексен?

Менексен. С агоры, Сократ, с заседания совета.

Сократ. А что тебе до заседания совета? Или ты, пожалуй, считая, что закончил философское образование и уже обладаешь им в достаточной мере, задумываешь обратиться к делам более важным? И ты, удивительный человек, намереваешься в таком возрасте править нами, людьми пожилыми, чтобы ваша семья никогда не переставала поставлять блюстителей над нами? В

Менексен. Если ты, Сократ, позволишь и посоветуешь править, я охотно сделаю это; если же нет, то и я не сделаю этого. А сейчас я пришел на заседание совета, услышав, что совет собирается избрать того, кто будет говорить речь над павшими. Ты, ведь, знаешь, что собираются устраивать похороны.

Сократ. Конечно, знаю; но кого же они избрали?

Менексен. Никого; они отложили выборы назавтра. Я думаю, избран будет Архин или Дион².

Сократ. А ведь, действительно, Менексен, оказывается, во многих отношениях прекрасно быть убитым на войне. На долю такого человека достаются прекрасные и великолепные похороны, даже если он умер бедняком; вместе с тем он, даже если был дурным человеком, удостоивается похвалы от мужей мудрых, С

- которые хвалят его не как придется, а заранее готовят свои речи; и хвалят они так прекрасно, что говорят по поводу каждого и о таких качествах, какие у него были, а также—каких и не было.
- 235 При этом они как-то уже очень изысканно разукрашивают речь и околдовывают наши души, восхваляя всяческими способами наше государство и погибших на войне и всех наших предков, живших ранее, и с похвалой отзываются о нас самих, еще живущих. Поэтому я, Менексен, от их похвал проникаюсь большою гордостью и всякий раз в восхищении останавливаюсь и заслушиваюсь; и мне представляется, что я сразу стал величественнее, благороднее и прекраснее. И вот обычно за мной следуют и вместе слушают какие-нибудь чужеземцы, которым я сразу же начинаю внушать большее почтение. Дело в том, что и они, кажется мне, испытывают то же самое по отношению ко мне и ко всему государству и, убежденные оратором, считают его достойным большего удивления, чем прежде. Да и во мне это чувство собственного достоинства остается в течение больше,
- В чем трех дней; речь и голос оратора проникают в уши настолько прочно, что на четвертый - пятый день я едва прихожу в себя и начинаю понимать, где я; а до тех пор мне представляется, будто я живу как бы на островах блаженных. Вот как искусны у нас ораторы!

3

- Менексен. Вечно ты вышучиваешь ораторов, Сократ. Однако, я думаю, на этот раз избранный окажется в затруднительном положении. Дело в том, что выборы состоялись совершенно неожиданно, так что говорящий речь, вероятно, вынужден будет выступать без подготовки.
- D Сократ. Почему, дорогой мой? У каждого из них есть приготовленные речи, а вместе с тем в таких делах нетрудно выступать и без подготовки. Ведь вот, если бы надо было восхвалять афинян среди пелопоннесцев или пелопоннесцев среди афинян, тут понадобился бы хороший оратор, чтобы убедить тех или других и иметь успех; когда же кто-либо подвизается именно среди тех, кого он хвалит, тогда не великое дело показаться хорошим оратором.

Менексен. Ты думаешь, Сократ?

Сократ. Конечно, клянусь Зевсом.

Менексен. И ты думаешь, что и сам оказался бы в состоянии произнести речь, если бы это было нужно и тебя избрал бы совет? E

Сократ. Да ведь нет ничего удивительного, Менексен, в том, что я в состоянии произнести речь, коль скоро у меня была учительница далеко не плохая по части ораторского искусства; наоборот, она создала много отличных ораторов, а одного даже выделявшегося среди эллинов — Перикла, сына Ксанфиппа.

Менексен. Кто же это? Пожалуй, ты говоришь об Аспасии³?

Сократ. Именно о ней, и о Конне, сыне Метробия⁴; оба они были моими учителями, один в музыке, другая в ораторском искусстве. Нет ничего удивительного, что человек, получивший такое воспитание, большой мастер говорить речи. Но даже всякий, которого учили хуже, чем меня, кто учился музыке у Лампра⁵, а ораторскому искусству у Антифонта⁶ из Рамнунта, все-таки даже и такой человек мог бы иметь успех, восхваляя афинян среди афинян. 236

4

Менексен. А что ты мог бы сказать, если бы тебе пришлось говорить?

Сократ. Сам от себя я, может быть, ничего не сказал бы, а вот я еще вчера слышал, как Аспасия произносила надгробную речь по тому же самому поводу. Дело в том, что она услышала то, о чем ты говоришь, именно, что афиняне намереваются избрать кого-нибудь для произнесения речи; тогда она и стала объяснять мне, как следовало бы говорить, причем одно она объясняла без подготовки, другое — обдумав раньше, в то время, кажется мне, когда она составляла надгробную речь, произнесенную Периклом; теперь она склеивала кое-какие остатки от той речи. B

Менексен. А ты мог бы вспомнить, что говорила Аспасия?

Сократ. Надеюсь, что да; ведь я выслушивал это от нее самой, и чуть не был побит за свою забывчивость. C

Менексен. А почему бы тебе не передать этого?

Сократ. Но как бы не рассердилась на меня моя учительница, если я разглашу ее речь.

Менексен. Никогда этого не будет, Сократ! Говори, ты доставишь мне большое удовольствие, сообщишь ли ты речь Аспасии, или чью-нибудь еще; только говори!

Сократ. А, может быть, ты будешь смеяться надо мной, если тебе покажется, что я, старик, все еще веду себя, как ребенок.

Менексен. Никким образом, Сократ! Говори во что бы то ни стало!

5

Сократ. И в самом деле, надо доставить тебе удовольствие.
D Пожалуй, если бы ты потребовал от меня, чтобы я скинул платье и начал плясать, я сделал бы это для тебя: мы, ведь, наедине. Однако, слушай! Аспасия говорила, помнится, таким образом, начав свою речь с самих убитых.

Павшие в бою получили от нас на деле все, что положено, и, получив положенное, они шествуют по пути, начертанному им роком, провожаемые как всем государством, так равно и отдельными своими близкими; осталось еще воздать им хвалу словом;
E повелевает это закон, и это надлежит исполнить. Ведь, благодаря прекрасно произнесенной речи, слушатели вспоминают и восхваляют за их славные деяния людей, совершивших эти деяния. При этом нужна такая речь, которая достаточно восхваляла бы умерших и дружественно ободряла бы живых, призывая детей и братьев подражать доблести покойных, утешая их отцов и матерей, дедов и прадедов, если кто-нибудь из них
237 еще остался в живых. Как нам быть, чтобы наша речь оказалась такою? С чего правильнее всего начать восхвалять славных мужей, которые и при жизни радовали близких своею доблестью и смерть приняли за спасение живущих? Думается мне, что, в согласии с природой, и хвалить их надо, исходя из того, как они стали доблестными. А доблестными они стали оттого, что произошли от людей доблестных. Итак, прославим сперва их
B городное происхождение, затем их воспитание и образование; после того покажем, что деяния, ими совершенные, были прекрасны и достойны такого прошлого.

6

В их благородном происхождении важнее всего для них было то, что их предки по своему рождению не были пришельцами, благодаря чему и потомки эти не оказались метеками⁷ в нашей стране, что было бы, если бы их предки пришли из какого-нибудь другого места; нет, они были автохтонами, обитающими и проживающими действительно в своем отечестве. И вскормила их та страна, где они обитали, не как мачеха, — так было с другими, — а как мать, и теперь, окончив жизнь, они лежат в родных местах, в стране, которая их родила, вскормила и приняла в свое лоно. Справедливее всего будет сперва почтить самое мать; ведь, таким образом, одновременно почтено будет и благородное происхождение почивших.

7

Страна эта достойна того, чтобы ее восхваляли все люди, а не только мы, и по многим другим причинам, но прежде и главное всего — потому, что ей выпало на долю быть любимой богами. Спор и суд богов, состязавшихся из-за нее, подтверждают слова наши; если эту страну хвалили боги, то разве не справедливо, чтобы ее хвалили и все люди? Второе основание похвалы, принадлежащей ей по праву, состоит в том, что вся остальная земля производила и рождала всевозможных животных, и зверей и домашний скот; только наша страна не порождала диких зверей и была от них чиста. Она избрала среди всех живых существ и породила человека, существо, которое превосходит остальные умом и одно только признает справедливость и богов. Важным доказательством этих слов, именно, что эта земля родила предков почивших и наших предков, служит следующее: всякое рождающее существо имеет пищу, подходящую для того, кого оно родило; по этому признаку узнают и женщину, действительно ли она родила, или только присвоила себе чужого ребенка; в последнем случае она не имеет источников пищи для рожденного. Наша земля и мать как раз и дает достаточное доказательство того, что она породила людей; ведь в то время она одна только и первая принесла в качестве пищи для

238 людей плод пшеницы и ячменя, которым прекраснее и лучше всего питается род людской, так как действительно она сама породила эти существа. Такие доказательства следует допускать скорее в пользу земли, чем в пользу женщины; ибо не земля подражает женщине в беременности и родах, а женщина земле. И к плоду этому земля наша не отнеслась с завистью, но уделила от него и всем прочим. Затем она произвела для своих чад маслину, помощь в трудах; вскормив и взростив их, когда пришла пора их юности, она доставила им в качестве правителей и учителей богов, имена которых подобает опускать в подобной речи⁸. Они устроили нашу жизнь, ее обыденный уклад; они первых нас научили искусствам, а для охраны страны обучили нас приобретению оружия и владению им.

8

Будучи людьми такого рождения и воспитания, предки поживших жили, установив для себя государственный строй, о котором правильно будет упомянуть в кратких словах. Ведь государственный строй воспитывает людей, прекрасный — хороших, а противоположный ему — дурных. Необходимо показать, что жившие прежде нас были воспитаны в прекрасно устроенном государстве, благодаря чему были хороши и они сами, и люди ныне живущие; к их числу принадлежат вот эти павшие. Ведь и тогда и теперь у нас один и тот же государственный строй — аристократия; этот строй существует у нас и сейчас, да существовал и почти все время с тех пор. Называют его одни демократией, другие иначе — как кому нравится; в действительности же это — господство лучших людей, основанное на правильном представлении народа⁹. Ведь цари у нас всегда были, то цари по происхождению, то по избранию; но властвует над государством большею частью народ, раздавая должности и власть тем, кто в каждом отдельном случае кажется лучшим. Никто не бывает отвергнут из-за слабости, бедности, незнатных предков, никто не пользуется почетом благодаря противоположным качествам, как это бывает в других государствах; нет — у нас есть один только признак: кто кажется мудрым или доблестным, тот властвует и правит. Причина же такого нашего государствен-

ного устройства — равенство происхождения. Ведь остальные государства образовались из различных и неравных людей, поэтому нет равенства и в их государственном строе; это — тирании и олигархии. Граждане их живут, считая друг друга одни — рабами, другие — их господами. А мы и наши сограждане, все рожденные братьями от одной матери, не считаем себя ни рабами, ни господами один другого; нет, природное равенство происхождения заставляет нас стремиться к равенству по закону и уступать друг другу только тогда, если кто кажется доблестным и рассудительным.

9

Поэтому-то отцы павших воинов и наши отцы и сами эти павшие воины, выросшие среди полной свободы, да к тому же еще будучи людьми прекрасного происхождения, совершили и в частной и в общественной жизни множество прекрасных деяний перед лицом всех людей, считая, что нужно сражаться за свободу и с эллинами за эллинов, и с варварами за всех эллинов. Слишком мало у нас времени, чтобы рассказать достойным образом, как они оборонялись, когда Евмолп и Амазонки¹⁰ пошли походом на нашу страну, а в еще более ранних войнах, как они оказали помощь аргивянам против кадмейцев и Гераклидам против аргивян¹¹, — к тому же поэты уже достаточно воспели их доблесть в мусическом искусстве и возвестили ее всем, и, если бы мы стали пытаться прославлять то же самое в прозаической речи, то оказались бы, пожалуй, на втором месте. Поэтому, мне кажется, лучше оставить все это, так как оно уже получило должную оценку. А вот подвиги, за которые, хотя они и достойны хвалы, еще ни один поэт не стяжал достойной славы, подвиги, оставшиеся забытыми, — о них, по моему, надлежит вспомнить, и, восхваляя их, подвинуть других облечь их в форму песен и иных поэтических произведений, как того заслужили совершившие эти подвиги. На первом месте из того, о чем я говорю будет следующее.

Когда персы, стоя во главе всей Азии, пытались поработить Европу, их удержали чада этой страны — наши отцы; справедливо и необходимо прежде всего вспомнить о них и воздать

хвалу их доблести. Если мы хотим воздать ей прекрасную хвалу, мы должны взглянуть на эту доблесть, перенесясь мысленно в те времена, когда вся Азия рабски служила уже третьему царю; первый из этих царей, Кир, благодаря своему великому духу, освободил своих соотечественников — персов и вместе с тем поработил их господ, мидян, и завладел остальной Азией вплоть до Египта; сын его завладел Египтом и Ливией, насколько можно было проникнуть в нее; а третий, Дарий, на суше довел границы царства до страны скифов, а флотом своим властвовал над морем и островами, так что никто даже и не дерзал противиться ему¹². Мысли всех людей были поработены; и, таким образом, многие великие и воинственные племена подчинила себе персидская держава.

10

Дарий обвинил нас и эретрийцев, выставив предлог, будто бы мы злоумышляем против Сард¹³; он послал пятьсот тысяч войска на транспортных и военных кораблях, — военных кораблей было триста, — под начальством Датиса и приказал ему при возвращении привести с собой эретрийцев и афинян, если он хочет сохранить голову на плечах. Датис отплыл в Эретрию против мужей, которые больше всех эллинов в то время славились своим военным искусством и были весьма многочисленны; их он покорил в течение трех дней и, обыскав всю их область, сделал следующее, чтобы никто не мог скрыться: подойдя к границам области эретрийцев, его воины расступились от моря до моря и, взявшись за руки, прошли всю страну, чтобы иметь возможность сказать царю, что никто не укрылся от них¹⁴. С таким же самым намерением персы приплыли из Эретрии в Марафон¹⁵, уверенные, что им ничего не будет стоить увести и афинян, надев на них ярмо с той же неизбежностью, что и на эретрийцев. Пока все это частью совершалось, частью же подготавливалось, никто из эллинов не помог ни эретрийцам ни афинянам, кроме лакедемонян — да и эти прибыли на другой день после битвы; все же остальные, пораженные ужасом, бездействовали, довольные тем, что спаслись хотя бы на время. Надо представить себе все это, чтобы понять, какую доблесть

проявили те, кто при Марафоне приняли на себя всю силу варваров и покарали надменность целой Азии; они первые воздвигли трофеи победы над варварами, сделавшись для остальных руководителями и наставниками того, что не непреодолима мощь персов, что никакое количество, никакое богатство не может E устоять пред доблестью. Я утверждаю, что эти мужи — наши отцы не только в смысле телесном, но и отцы свободы, нашей и всех жителей этого материка; ибо, взирая на этот подвиг, эллины отважились и на дальнейшие опасности ради свободы и в последующих сражениях, став учениками марафонских бойцов.

11

Им следует воздать лучшую награду в нашей речи, вторую же тем, кто бился в морских сражениях при Саламине и Артемисии ¹⁶ 241 и одержал в них победу. Многое можно было бы рассказать об этих людях, о том, какова была надвигавшаяся и с суши и с моря сила, и как они ее отразили. Я упомяну лишь о том, что мне представляется самым прекрасным из всего, а именно, — что они совершили подвиг, примыкающий к подвигу марафонских бойцов. Ведь марафонские бойцы доказали эллинам только то, что есть возможность отразить варваров на суше, и даже немногим одолеть многих; но еще неизвестно было, возможно ли это B сделать и при помощи флота, а персы славились тем, что на море они неодолимы, благодаря своему количеству, богатству, искусству и силе. Вот за это-то и следует хвалить мужей, сражавшихся тогда в морском бою, за то, что они рассеяли обуявший эллинов страх и заставили их перестать бояться множества кораблей и воинов. Случилось так, что и те и другие, и сражавшиеся при Марафоне, и участники Саламинского морского C сражения воспитали остальных эллинов; благодаря одним они научились и привыкли не бояться варваров на суше, благодаря другим — на море.

12

Третьим же подвигом эллинского спасения, так я утверждаю, и по счету и по проявленной доблести, стало Платейское сражение ¹⁷; это уже подвиг общий и лакедемонян и афинян. Все они

отразили величайшую и самую тяжелую опасность, и за эту доблесть и теперь мы их прославляем, и в будущем их будут прославлять последующие поколения. Однако, и после этого многие эллинские государства были еще в союзе с варварами; с другой стороны, было возведено, что персидский царь имеет намерение снова напасть на эллинов. Справедливо будет нам упомянуть и о тех, кто завершил дело спасения, начатое их предшественниками, очистив и прогнав с моря все то, что там оставалось от варваров. Таковыми были те, что сражались в морской битве у Евримедонта, воины, отправившиеся походом на Кипр, отплывшие в Египет и во многие другие места¹⁸; о них надлежит помнить и быть им благодарными за то, что они заставили царя в страхе подумать о собственном спасении, а не замышлять гибели эллинам.

13

Вот какую войну вынесло все наше государство против варваров и за себя и за всех, говорящих на одном и том же языке. Когда же настал мир, и наше государство было окружено почетом, оно навлекло на себя то, чему обычно подвергаются со стороны людей те, кто благоденствуют—сначала зависть, а от зависти ненависть; это-то и вызвало, вопреки воле нашего государства, войну его с эллинами. Вслед за тем, когда началась война, афиняне столкнулись при Танагре с лакедемонянами, сражаясь за свободу беотян; хотя исход сражения был нерешительным, событие, случившееся позднее, принесло решение; дело в том, что лакедемоняне удалились, покинув беотян, которым они помогали, а наши на третий день одержали победу при Энофитах¹⁹ и справедливо водворили обратно несправедливо изгнанных. Они первые после Персидской войны, помогая эллинам в борьбе за свободу, — на этот раз уже против эллинов, — проявили воинскую доблесть и освободили тех, кому они помогали; они первые, будучи почтены государством, были погребены в этой могиле. После этого, когда началась большая война²⁰, когда все эллины вторгнулись в нашу страну и разорили ее, недостойным образом отблагодарив наше государство, наши сограждане, победив их в морском бою и захватив их вождей,

лакедемонян, на Сфагии, хотя и имели возможность истребить их, пощадили, выдали их и заключили мир²¹. Они считали, что с единоплеменниками следует воевать только до победы, и что нельзя, под влиянием гнева, охватившего отдельный город, разрушать общее единство эллинов,—с варварами же надо воевать до полного их истребления. Достойны хвалы мужи, которые воевали в этой войне и теперь покоятся здесь; они доказали, что неправду сказал бы тот, кто стал бы утверждать, будто в предшествующей войне против варваров какой-нибудь иной народ был доблестнее афинян. Это доказали лежащие здесь люди тем, что, когда Эллада охвачена была междоусобиями, они одержали верх в войне, одолели стоявших в главе остальных эллинов и одни победили тех, совместно с которыми они в то время одерживали победы над варварами.

14

После этого мира началась третья война, неожиданная и ужасная; в ней погибло много доблестных мужей, и покоятся они теперь здесь. Многие погибли после того, как они воздвигли в Сицилии великое множество трофеев в боях за свободу леонтинян, на помощь которым они отплыли в те места, исполняя клятвенные договоры; так как из-за дальности плавания государство наше не находило средств и не могло помочь им, они изнемогли и попали в беду; но даже враги и противники хвалят их за их здравомыслие и доблесть больше, чем иных хвалят друзья²². Многие погибли в морских сражениях на Геллеспонте, после того, как в один день захватили все неприятельские корабли, да и во многих других боях одержали победы²³. А когда я говорил об ужасном и неожиданном в этой войне, я имею в виду, что остальные эллины до того довели свое соревнование с нашим государством, что дерзнули вступить в переговоры с величайшим нашим врагом, персидским царем, снова призвав на свой страх того, кого они изгнали, действуя заодно с нами, варвара против эллинов, и объединив против нашего государства всех эллинов и варваров. Однако, здесь-то и проявилась сила и доблесть нашего государства. Когда враги наши считали его уже разбитым в войне, корабли же наши были заперты в Ми-

тилене, наши сограждане отправились на помощь с шестьюдесятью кораблями, сами взойдя на суда; проявив, по общему признанию, величайшую доблесть, они победили врагов, освободили друзей и, претерпев недостойную участь, хотя не были извлечены из моря, покоятся здесь²⁴. Следует вечно помнить и D восхвалять их; ведь, благодаря их доблести, мы одержали победу не только в этом морском бою, но и в остальной войне. Благодаря им, наше государство стало славиться тем, что никогда оно не было побеждено на войне, даже и всеми врагами вместе — и эта слава была истинной; нет, нас одолели наши собственные распри, а не другие люди; еще и теперь мы непобедимы для других, но сами себя победили и сами от себя потерпели поражение. После этого, когда наступило успокоение и мир со всеми остальными, началась у нас внутренняя война, но такая, что если бы суждено было людям устраивать распри, каждый стал бы молить, чтобы его государство страдало именно таким недугом. С какой радостью и с каким дружелюбием соединились друг с другом граждане, бывшие в Пирее, и те, что были в городе, вопреки надеждам остальных эллинов, и как 244 благоразумно они уладили войну с элевсинцами²⁵! И причина этого одна: действительное родство, создающее не на словах, а на деле дружбу надежную и такую, какая бывает только между людьми одного племени. Следует помнить и о всех, павших в этой междуусобной войне, и стараться примирить их, чем можем, — молитвами и жертвоприношениями, — при таком торжестве, как сейчас; следует молиться тем, кто владеет ими, так как ведь и мы примирились друг с другом. Не из-за порочности и не из-за вражды они напали одни на других, но виной V этого была несчастная судьба. Доказательством этого являемся мы сами, ныне живущие; мы одного рода с ними и прощаем друг другу то, что сделали, и то, что испытали.

15

После этого, когда у нас настал полный мир, государство наше жило спокойно, прощая варварам, что они, тяжело пострадав от него, тем же ему отмстили, но негодуя на эллинов и помня, C как они были им облагодетельствованы и как его отблага-

рили, как они действовали заодно с варварами, отобрали наши корабли, которые некогда спасли их, эллинов, и разрушили наши стены за то, что мы не дали пасть их стенам. Государство наше не намеревалось больше помогать эллинам, если бы они стали обращать в рабство друг друга, или если бы это делали варвары; так оно и жило. И вот, когда таковы были наши намерения, лакедемоняне решили, что защитники свободы в нашем лице погибли, а что их дело — поработать остальных, и попробовали сделать следующее. D

16

Но к чему растягивать речь? Ведь то, что было потом, я не могу назвать случившимся давно или с людьми далекого прошлого. Мы сами знаем, как самые первые среди эллинов, аргивяне, беотяне, коринфяне, пораженные страхом, обратились за помощью к нашему государству и, что изумительнее всего, даже персидский царь попал в такое безвыходное положение, что, оказалось, ни откуда не может явиться для него спасения, кроме как от того государства, которое он настойчиво пытался погубить²⁶. И действительно, если бы кто захотел справедливо обвинить в чем-либо наше государство, он мог бы по праву сделать это только в том случае, если бы стал утверждать, что оно всегда было слишком исполнено сострадания и всегда было слугой более слабого. Так и в это время, оно не оказалось в состоянии проявить твердость и до конца держаться того, что оно же само решило, — не помогать никому из тех, кто чинили нам обиды, если бы его стали обращать в рабство; наоборот, оно смягчилось и оказало помощь. Эллинам наше государство E пришло на помощь и избавило их от рабства, так что они были свободны, пока снова не поработили сами себя; царю же оно не отважилось помочь само, стыдясь трофеев Марафона, Саламина и Платей, а только предоставило изгнанникам и добровольцам помогать ему, и все-таки, по общему признанию, спасло его. Воздвигнув стены и построив флот, оно, когда было вынуждено воевать, начало войну и воевало, защищая паросцев против лакедемонян²⁷. B

245

B

Царь стал бояться нашего государства и, так как он видел, что лакедемоняне изнемогают в войне на море, то, желая отложиться от нас, потребовал выдать ему эллинов, живущих на материке, которых лакедемоняне выдали ему раньше, если мы хотим, чтобы он в будущем содействовал нам и остальным союзникам; он думал, что мы не согласимся на это, и поступим так, чтобы был у него предлог отложиться. В остальных союзниках он обманулся; дело в том, что и коринфяне, и аргивяне, и беотяне, и остальные союзники согласились на выдачу; они заключили клятвенный договор выдать ему эллинов, живущих на материке, если только он доставит денег. Одни мы не согласились ни выдать их, ни дать клятву²⁸. До такой степени твердо, сильно и по природе враждебно варварам все, что есть благородного и свободного в нашем государстве, благодаря тому, что мы — чистые эллины и нет в нас примеси варварского. Ведь не селились с нами ни Пелоп, ни Кадм, ни Египет, ни Данаи²⁹, вообще никто из множества варваров по своей природе, ставших эллинами только по закону; нет, мы одни являемся эллинами, а не представляем помесь с варварами; поэтому и влита в наше государство чистая ненависть к чуждой природе. И все-таки мы снова очутились в одиночестве, не пожелав совершить позорного и нечестивого дела — выдать эллинов варварам. Мы попали в такие же условия, из-за которых и раньше потерпели поражение, но, с божьей помощью, закончили войну лучше, чем тогда; ведь мы сохранили корабли, стены, наши колонии и вышли из войны так, как едва удалось выйти из нее нашим противникам. Правда, и в этой войне мы лишились доблестных мужей, из которых одни пострадали от невыгодного местоположения в Коринфе, а другие от измены в Лехее³⁰.

²⁴⁶ Доблесть проявили также и те, что освободили царя и прогнали с моря лакедемонян; об этом я напоминаю вам, и вам надлежит восхвалять и чтить таких мужей вместе с прочими.

18

Многочисленны и прекрасны упомянутые мною подвиги мужей, покоящихся здесь, а также всех остальных, погибших за наше государство, но еще гораздо многочисленнее и прекраснее те, что остались не названными; ведь не хватило бы многих дней и ночей тому, кто захотел бы рассказать все до конца. Нужно, чтобы, помня об этом, каждый призывал их потомков, как на войне, не покидать рядов своих предков и не отходить, трусливо отступая, назад. Дети доблестных мужей, я призываю вас и теперь и в будущем, где бы я ни встретил кого-либо из вас, и буду напоминать и постоянно советовать вам стремиться быть наиболее доблестными; а сейчас я в праве сказать вам то, что отцы ваши, когда им предстояло подвергнуться опасности, поручали нам, остающимся, передать, если бы с ними что случилось. Я поведаю вам то, что я услышал от них самих, и что они теперь с удовольствием сказали бы вам, если бы имели возможность; я заключаю об этом из сказанного ими тогда. Нужно верить, что вы от них самих слышите все, что я передаю; говорили же они так.

19

Дети, то, что сейчас совершается, уже само по себе показывает, что вы происходите от доблестных отцов; в то время, как у нас была возможность жить, но жить не прекрасно, мы предпочитаем лучше прекрасно умереть, прежде чем навлечь хулу на вас и на будущие поколения, прежде чем посрамить наших отцов и весь род предков. Мы считаем, что не стоит жить тому, кто посрамил своих; такому человеку не будет другом никто из людей, никто из богов, ни на земле, ни под землей, после смерти. Вы должны помнить наши слова и, если вы будете подвизаться в чем-нибудь ином, делать это доблестно, зная, что без этого все, чем вы обладаете и занимаетесь, постыдно и дурно. Богатство не приносит почета тому, кто приобрел его постыдным образом, — ибо такой человек богат не для себя, а для другого; с другой стороны, красота и сила тела в трусливом и дурном человеке не кажутся чем-то подобающим, а, на-

оборот, неподобающим, делают обладающего этими качествами более заметным и обнаруживают его трусливость. Всякое знание, отделенное от справедливости и остальных добродетей, оказывается не мудростью, а плутовством. Поэтому и в начале, и в конце, и всегда, и всюду и везде старайтесь проявлять всяческую готовность, насколько возможно, превзойти доброю славой и нас и предков. В противном случае — знайте, что для нас, если мы победим вас своей доблестью, победа принесет позор, а поражение, если мы потерпим поражение, — блаженство. Скорее всего мы будем побеждены, а вы победите в том случае, если приложите усилия не злоупотреблять славой своих предков и не растрчивать ее, зная, что для уважающего себя человека, нет ничего постыднее, как заставлять почитать себя не ради себя самого, но ради славы предков. Конечно, когда почет родителей переходит на детей, это — прекрасное и великолепное сокровище; но позорно и недостойно мужа пользоваться сокровищницей богатств и почестей и не передавать ее детям, по причине недостатка собственных приобретений и славных дел. Если вы будете поступать так, вы к нам придете, как друзья к друзьям, когда вас настигнет сужденная вам участь. Если же вы пренебрежете этим и будете вести себя, как трусы, никто не примет вас благосклонно. Вот это да будет сказано детям.

20

Отцов же наших, у кого они есть, и матерей следует постоянно увещевать переносить как можно легче свое несчастье, раз уже оно случилось, а не плакать вместе с ними, — ведь им никого не нужно будет для возбуждения скорби: достаточно будет для этого и постигшей их судьбы; нет, надо напоминать им, врачуя и смягчая их горе, что боги услышали то, о чем они молились, как о самом главном для себя. Ведь не молились они о том, чтобы их дети стали бессмертными, но чтобы они были доблестными и славными и получили это, — величайшее благо из всех; а не легко сделать так, чтобы для смертного человека все в его жизни происходило по его желанию. Если они будут мужественно переносить несчастья, их сочтут на самом деле отцами муже-

ственных детей и самих такими же мужественными; если же они не устоят, то возбудят подозрение, что они или не наши отцы, или же, что неправду говорят о нас восхваляющие нас. Не должно быть ни того, ни другого; нет, они должны быть нашими главными хвалителями на деле и показать, что они действительно мужи и отцы мужей. Прекрасно, по моему, старинное изречение „ничего слишком“³¹; действительно, это прекрасно сказано. Ведь для кого все, что ведет к блаженству или приближает к нему, зависит от него самого, а не связано с другими людьми так, что вместе с их благополучием или неблагополучием должно колебаться и его положение, для такого человека открыта возможность жить наилучшим образом; такой человек будет здравомыслящим, мужественным, рассудительным; достанутся ли ему сокровища и дети, или они погибнут, — такой человек будет прежде всего следовать этой пословице; очевидно, он не будет ни слишком радоваться, ни слишком горевать, потому что он уверен в себе. Такими людьми мы считаем наших близких, мы желаем этого и это высказываем, и себя самих мы теперь показываем таковыми, не негодуем и не боимся слишком, если даже понадобится сейчас же умереть. Мы просим и отцов и матерей провести остаток жизни в таком же точно настроении и знать, что не рыданиями и не причитаниями они нас больше всего обрадуют; нет, если только мертвые как-нибудь связаны с живыми, то они доставят нам наибольшую неприятность, если будут мучить себя и тяжело переносить свои несчастья, и наибольшую радость доставят нам, перенося свои несчастья легко и спокойно. Наша жизнь тогда получит уже завершение, самое прекрасное из всех возможных для людей, так что надо скорее прославлять, чем оплакивать ее; заботясь о наших женах и детях, поддерживая их существование и направляя на это свое внимание, наши родители легче всего позабудут свое несчастье, и жизнь их будет прекраснее, лучше устроена и милее для нас.

Нашим близким достаточно передать вот это. А государство мы бы хотели призвать к заботе о нас, о наших отцах и сыновьях, воспитывая подобающим образом сыновей, достойно обеспечив старость отцов; но мы знаем, что, и без нашего призыва, оно достаточно позаботится о них.

Вот что, дети и родители павших в бою, поручили нам передать те люди, и я передаю это с величайшей готовностью. И из них я и сам прошу, чтобы одни из вас подражали своим родителям, другие же были спокойны за себя, так как мы, и каждый в отдельности, и все вместе, обеспечим вашу старость и будем заботиться о вас повсюду, где каждый из нас встретится с кем-либо близким почивших воинов. О заботливости нашего государства вы, конечно, и сами знаете; оно установило законы о детях и родителях погибших на войне и заботится о них; кроме того, предпочтительно перед остальными гражданами, предписано высшим властям³² наблюдать, чтобы отцы и матери таких людей не подвергались обидам. Детей же их государство воспитывает само, прилагая все усилия, чтобы их сиротство стало им как можно менее заметным, заменяя им отца, пока они еще дети; когда же они возмужают, оно отправляет их домой, снабдив их полным вооружением, и этой передачей орудий отцовской доблести, указывает и напоминает им, что делал их отец; вместе с тем должно служить предзнаменованием, что юноша с самого начала отправляется к отцовскому очагу вооруженным, чтобы мощно властвовать там. И самих погибших государство никогда не перестает чтить и ежегодно совершает для всех них вместе установленные обряды, которые совершаются и для каждого в отдельности, а кроме того устраивает агоны, гимнические, гиппические и из всех видов мусического искусства³³; при этом государство непосредственно выступает в качестве наследника и сына погибших, для их сыновей — в качестве отца, для их родителей — в качестве опекающего, и всегда и во всем всячески заботится о них. Имея в виду все это, надо спокойнее переносить несчастье; ведь и для умерших и для живых вы тогда дороже всего, и легче всего для вас и служить им и принимать их услуги. А теперь, и вы и все остальные, удалитесь, оплавав, как велит закон, единодушно, тех, что окончили жизнь.

22

Вот тебе и речь милетянки Аспасии, Менексен!

D

Менексен. Клянусь Зевсом, Сократ, счастлива Аспасия, если она, будучи женщиной, в состоянии составлять такие речи.

Сократ. Если ты мне не веришь, следуй за мной, и ты услышишь, как она говорит.

Менексен. Я часто встречался с Аспасией, Сократ, и знаю, какова она.

Сократ. Ну что же? Разве ты не в восхищении от нее и не благодарен ей теперь за речь?

Менексен. И даже очень благодарен за эту речь, Сократ, той или тому, кто тебе эту речь произнес; и от лица многих E других я благодарю произнесшего ее.

Сократ. Хорошо; но только не выдавай меня, чтобы я мог и в другой раз передать тебе много прекрасных речей о государстве, услышанных от нее.

Менексен. Будь спокоен, я не выдам тебя; только передавай мне их.

Сократ. Это так и будет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (234 А). Агора — украшенная статуями и портиками площадь Афин, к северу от Акрополя и Ареева холма, место собраний суда присяжных. Здание совета примыкало к этой площади с юга.

² (234 В). Архин из дема Койлы, аттический оратор и государственный деятель, один из восстановителей демократии; в 404 г., во время борьбы против правительства Тридцати, участвовал во взятии Филы, крепости в горах, на дороге из Афин в Фивы. В 403 г. предложил ввести милетский алфавит в Афинах. О Дионе, помимо данного места, сведений нет.

³ (235 Е). Аспасия, родом из Милета, возлюбленная, впоследствии законная жена Перикла, который ради нее разошелся со своей первой женой. Год смерти Аспасии неизвестен. Выдающаяся роль, которую Аспасия играла в афинской жизни, навлекла на нее многочисленные нападки со стороны комических поэтов. В то время, как одни авторы изображают ее в виде гетеры, другие (напр. Ксенофонт, сократовец Эсхин) отзываются о ней с большим уважением. Имя Аспасии носили диалоги Эсхина и Антисфена. См. Dittmar, Aischines von Sphektos. Плутарх, Перикл, 24, 32. Аристоф. Ахарн, 525 сл. Ксеноф., Воспом. II, б, 36. Двойственность традиции сказывается и в оценках личности Аспасии новейшими исследователями. Ср. хотя бы статью „Аспасия“ Ф. Ф. Зелинского в Нов. Энци. Сл. Брокг.-Ефрона и мнение Виламовица, Arist. u. Athen, II, 99.

⁴ (235 Е). Конн, сын Метробия, назван учителем Сократа также и в диалоге „Евфидем“ (272 С. 259 D). Одновременно с „Облаками“ Аристофана (423 г.) была поставлена комедия Амипсиада „Конн“, в которой выступал хор софистов и осмеивался Сократ; эта комедия получила вторую награду.

⁵ (236 А). Лампр — знаменитый музыкант. См. Корн. Неп. Эпаминонд, 2, и приписываемый Плутарху трактат „О музыке“.

⁶ (236 А). Антифонт из Рампунта, сын Софила, известный афинский оратор. Родился около 480 г., был автором судебных речей и учителем красноречия, по некоторым сведениям, правда, сомнительным, — учителем Фукидида. После низложения правительства Четырехсот был обвинен в измене и казнен (411 г.). См. Фукидид, XVIII, 68.

⁷ (237 В). Метеки — иностранцы, постоянно проживавшие в каком-либо государстве; они должны были платить особые подати, и в то же время их права были ограничены по сравнению с правами граждан.

⁸ (238 В). Принимаю поправку Виламовица, считающего стоящее в рукописи *ἵσμεν γὰρ* — ведь мы знаем — за позднейшую вставку. См. Platon, II, 129, 1.

⁹ (238 D). Так я пытаюсь передать греческое *μετ' εὐδοξίας πλήθους ἀριστοκρατία*. Значение слова *εὐδοξία* явствует из сопоставления данного места с „Меноном“, 99 В С и 97 А слл.

¹⁰ (239 В). Евмоп — сын Посидона и Хисны, один из мифических основателей Элевсинских мистерий, впоследствии фракийский царь, оказал помощь элевсинцам в войне против афинского царя Эреффея и был при этом убит. Упоминание об амазонках встречается уже у Гомера. Ил. III, 189, VI, 186, II, 814. Позднее возникает сказание о государстве амазонок в северо-восточной части М. Азии. Афинский царь Фесея похитил и взял себе в жены царицу амазонок Антиопу (по другой версии — Гипполиту). Это вызвало набег амазонок на Атику, где еще в историческое время показывали могилы павших в этой войне.

¹¹ (239 В). Кадмейцы — фиванцы, по имени Кадма, мифического основателя Кадмеи, фиванского акрополя. После похода аргосцев против Фив, закончившегося гибелью шести вождей аргосского войска, Фесея добился от фиванцев погребения тел убитых. См. трагедию Еврипида „Умоляющие“. Дети Геракла, подвергавшиеся после смерти своего отца преследованиям со стороны аргосского царя Еврисфея, нашли приют и защиту у Фесея. См. трагедию Еврипида „Гераклиды“.

¹² (240 А). Кир I (558—530) — основатель персидской монархии; его сын, Камбис (529—522), в 525 г. завоевывает Египет; после кратковременного правления Лже-Смердиса на персидский престол вступил Дарий I Гистасп (521—486); поход его в Скифию относится, вероятно, к 514 г.; изображению этого похода посвящена первая половина IV книги Геродота.

¹³ (240 А). Сарды — главный город Лидии, после персидского завоевания (546 г.) местопребывание сатрапа Западной Азии; в 499 г., во время восстания малоазиатских греков, поддержанных афинянами, город был сожжен восставшими.

¹⁴ (240 С). Ср. Геродот, VI, 31; Законы, 698 С слл.

¹⁵ (240 С). См. Геродот, VI, 102 слл.

¹⁶ (241 А). О Саламинской битве см. Геродот, VIII, 56 слл.; Эсхил, Персы, 768 слл. Артемисий — мыс на северо-восточной оконечности острова Евбеи. В 480 г. одновременно с атакой Ксеркса на Фермопилы, у Артемисия происходил трехдневный морской бой греков с персами, не давший решительного результата. См. Геродот, VII, 175 слл.

¹⁷ (241 С). См. Геродот, IX, 58 слл.

¹⁸ (241 Е). Двойная победа Кимона при Евримедонте в 467/6 г. Фукидид, I, 100. Кипрский поход афинян в 459 г. Фукидид, I, 108. Неудачная для афинян экспедиция в Египет в 454 г. Фукидид, I, 104, 109—110.

¹⁹ (242 В). Танагра — город в Беотии, на реке Асопе, Энофиты — „виноградники“ — местечко к юго-востоку от Танагры. По Фукидиду (I, 108) между обоими сражениями прошло шестьдесят два дня. Во главе афинян стоял Миронид.

²⁰ (242 С). Так называемая „Архидамова война“ (431—421) — первая половина Пелопоннесской (431—404).

²¹ (242 D) Сфагия, иначе Сфактерия, остров перед Пилосским (ныне Наваринским) заливом. В 425 г. отряд спартиатов был окружен афинянами на этом

острове и вынужден капитулировать. Фукидид, IV, 8 слл.; 28 слл. Мир — так называемый Никиев мир 421 г. См. Фукидид, V, 16 слл. С дальнейшим ср. „Государство“, 470 слл.

²² (243 А). Описанию гибельной для Афинской державы экспедиции в Сицилию (415 г.) посвящена VI и VII книга Фукидида.

²³ (243 В). Морская победа Фрасибула и Фрасила при мысе Киноссеме на Геллеспонте в 411 г. См. Фукидид, VIII, 103 слл. Победа афинян при Абиде (411 г.) и Кизике (410 г.), см. Ксенофонт, Греч. Ист. I, 1.

²⁴ (243 С). О переговорах Спарты с персами см. Фукидид, VIII, 6 слл. О блокаде Митилены, морской победе афинян у Аргинусских островов (406 г.), см. Ксенофонт, Греч. Ист. I, 6. Так как из-за непогоды тела убитых афинян не могли быть извлечены из воды и не удалось подать помощь пострадавшим кораблям, стратеги были преданы суду и шестеро из восьми (двое не явились в суд) были казнены; в этом процессе Сократ, бывший тогда одним из пританов, произнес защитительную речь. См. Ксенофонт, Греч. Ист., I, 8. Известен обычай сооружения кенотафиев, т. е. пустых могил, в тех случаях, когда тело не могло быть похоронено. Ср. Фукидид, II, 34; Вергилий, Эн., III, 304 и др.

²⁵ (243 Е). Речь идет о событиях 403 г., эпизоде правления Тридцати, когда было заключено соглашение между демократами, бывшими в Пирее, умеренными группами в Афинах и олигархами в Элевсине. См. Аристотель, Аф. Пол. 38 слл.; Андокид, О мистериях, 80 слл.; Ксенофонт, Греч. Ист. II, 24 слл. Ср. также „Письма“ Платона, 325 В.

²⁶ (244 Е). Коринфско-беотийская война 395—386 гг., см. Ксенофонт, Греч. Ист. III, 5 слл.; союз Афин, Аргоса, Коринфа и Беотии, поддержанный персами, против Спарты.

²⁷ (245 В). Восстановление афинских укреплений Кононом в 393 г. См. Ксенофонт, Греч. Ист. IV, 8, 7 слл. Демосфен, XX, 68. Время войны за Парос точно неизвестно, вероятно, в 394/3 г. Ср. Исократ, Эгин. 18. Pohlenz, о. с. 290, предлагает читать *Περσῶν* вм. *Παρίων*.

²⁸ (245 С). Так называемый Анталкидов или Царский мир (387/6 г.), по которому малоазийские города переходили к персам, а греческие города получали автономию, что означало распадение враждебных Спарте объединений, — был принят Афинами под угрозой блокады соединенным спартанским, сиракуским и персидским флотом. См. Ксенофонт, Греч. Ист. V, 1. Ср. также 245 Е.

²⁹ (245 D). Пелоп — сын Тантала, дед Агамемнона, родом из М. Азии, — герой-эпоним Пелопоннеса. Кадам, выходец из Финикии, сын сидонского царя Агенора — беотийский герой. См. прим. 11. Египет и Данай — сыновья Бела и Анхинои. Данай, спасаясь от преследования брата, ставшего царем Египта, переселился в Аргос и воцарился там — ср. гомеровское название греков „Данайцы“. Египет послал своих сыновей в Аргос, требуя, чтобы Данай дал им в жены своих дочерей; Данай согласился, но, по его приказанию, в свадебную ночь все юноши были умерщвлены своими невестами, кроме одного Линкея, пощаженного Гипермнестрой и ставшего после Даная царем Аргоса.

³⁰ (245 Е). Бои за Коринф в 392 г. Лехей — гавань Коринфа со стороны Коринфского залива, взятая Агесилаем в 392/1 г. Ксенофонт, Греч. Ист., IV, 4.

³¹ (247 Е). Изречение одного из семи мудрецов, приписываемое иногда Со-

лону, а по Платону (Протагор, 343 А) — созданное ими всеми вместе и, как изречение „познай самого себя“, начертанное в Дельфийском храме. См. Diels, *Fragm. d. Vorsokr.* 2, II, 518 сл.

³² (249 А). Вероятно архонту-эпониму. См. Аристотель, Аф. Пол. 56. *Bussolt, Die griech. Staats- und Rechtsaltertümer* 2, 228 ss. Для дальнейшего ср. Аристотель, Аф. Пол., 42; Эсхин, Против Ктесиф., 154; Фукидид, II, 46.

³³ (249 В). Праздник *Ἐπιτάφια*, в месяце Пианопсионе (октябрь-ноябрь). См. *Stengel, Die gr. Kultusalte.*, München, 1920, 230 сл.
